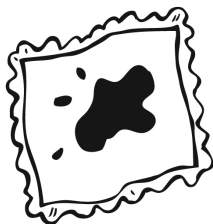

Оглавление

Маленькая опера 5

Свингеры. 175

Маша, дача, карантин и прочее 249

МАЛЕНЬКАЯ ОПЕРА

* * *

Что бы кухарка ни готовила — выходит борщ. Её зовут Вера, она откуда-то с востока. Дон Пепе велел сделать гаспачо. Вера сказала «хорошо», пошла на кухню, обжарила лук, морковь, свёклу, помидоры, отварила картофель в бульоне. Всё перемешала и подала на стол. Сказала, вот вам ваше гаспачо.

Дон Пепе утверждает, у неё такой авторский стиль. Зато Вера волшебным образом добывает продукты. Другие горожане варят кашу из полыни и охотятся на голубей. И только Вера на пятом году войны приносит реальные помидоры и чеснок с запахом чеснока. И её говядина точно не мяукала вчера на заборе. В сравнении с такими плюсами однообразие рецептов вообще не минус.

Блюдо символизировало Испанию, потому что ставили «Кармен». Никто не обольщался по поводу результатов. Только Паола Алерамичи сказала «хм». Она оперная дива, долго жила в Париже и отличала борщ от гаспачо.

Вечеринку устроили за день до премьеры. После горячего Паола захотела спеть. Она подошла к раскрытому окну и сказала:

— Какая гулкая в округе тишина! Какое в ней предслышание музыки!

— Паола, спой! — догадался муж певицы, известный дирижёр Бенедикт Фарнезе.

— Спой, Паола! — поддержал брат, уважаемый бандит Джузеппе Алерамичи.

— Спой, Паола! — подхватил Тони, молодой человек без фамилии, никому не знакомый и непонятно как проникший на закрытый семейный ужин.

Паола отнекивалась, ссылалась на общую измощённость. Мужчины не отступали. Никто не хотел прослыть негодеям. Паола сдалась на третьей минуте, как и положено оперной истеричке. Сказала «ну ладно» и запела в раскрытое окно.

Музыкой в Дорхольме считают любые весёлые звуки в сопровождении аккордеона и барабана. Свист, бубны и стекающий с музыкантов пот — вот надёжные критерии искусства. Хорошую музыку слышно за пять километров, под неё хочется плясать.

Паола пела заключительную арию Виолетты из Травиаты, но заработала только косые взгляды. Потому что ни ритма, ни юмора, ни барабанов, хотя бы. Ладно бы ещё эта сумасшедшая орала на мужа, её бы выслушали и поняли.

После войны, когда в магазины вернётся сыр, когда закончатся бомбёжки, осуждающий взгляд снова станет худшим, что может случиться с жителем Дорхольма. Паола была итальянкой и даже не поняла, насколько опозорилась.

Люди в комнате наоборот, получили огромное удовольствие. Больше всех восхищался муж певицы.

Дурной характер любимой он считал неизбежной гранью её таланта.

— Ты невероятна! — сказал Бено, когда ария закончилась.

— Я знаю, — кивнула певица.

— Богиня!

— Не останавливайся, продолжай.

— Но есть замечание.

— Предупреждаю, я могу ударить!

— Это платье слишком красиво. Зрители забудут про музыку!

— Тогда я разденусь и буду петь голой!

Мужчины рассмеялись, стали аплодировать, говорили «браво» и «белиссимо». Все были милы и обходительны.

Потом Бено постучал ножом по бокалу и встал во весь свой невеликий рост. Он сказал:

— Друзья мои, пришло время для важного объявления. Я родитель нашей оперы, мне и сообщать эту весть. Дело в том, что...

Над столом, как вулкан из океана, поднялся Джузеппе.

— Я скажу тост!

Бено пожал плечами, заткнулся и сел.

— Да, конечно. Я — потом.

Джузеппе волосат, пузат и обаятелен. Он руководит отделением мафии. Таких людей всегда интересно слушать. А ещё он старший брат Паолы, делится деньгами, советами и кухаркой. Он сказал:

— Я поднимаю этот бокал за величайшего из музыкантов!

Бено смутился:

- Ну что ты, не надо.
- За того, чьё творчество украшает мир.
- Прекрати, мне не удобно!
- Я пью за мою сестру Паолу! Ты — чудо, родная!
- Просто с языка снял! — поддержал Бено.
- За премьеру! — Джузеппе указал бокалом на прибитую к стене афишу. — Завтра нас ждёт грандиозный успех!
- За меня и за премьеру! — воскликнула Паола. Выпили. Бено снова постучал ножом по бокалу.
- Друзья, такое трудно говорить, но я должен ... Дон Пепе снова прервал:
- Помолчи! Пусть скажет наш дорогой гость... как там тебя?
- Тони!
- Пусть скажет Тони!

Молодой человек до сего момента мямлил узелок с тряпками, сидя в углу. Теперь же встал и покраснел.

Присутствие незнакомого деревенского бугая смущало дирижёра. Это была его квартира, места в ней не много, и еда тоже вся расписана. Согретый вином Бено спросил прямо:

— Простите, а вы кто?

Паола возмутилась:

— Как не стыдно! Это племянник Жанетты!

— А кто у нас Жанетта?

— Моя крёстная мать!

— Значит он — твой брат во Христе?

— Да. И он какое-то время поживёт с нами! —

заявила Паола.

— Но у нас всего одна кровать!

— Где твоё гостеприимство?

Дон Пепе нахмурился.

— Бено, помолчи. Тони поздравляет Паолу с премьерой.

— Вообще-то я приехал к вам, дон Пепе — признался Тони.

— Ко мне?

— Тётушка велела записаться в мафию.

— Но мы в Голландии! Тут в лучшем случае сопротивление!

— Тогда я запишусь в сопротивление. Название не важно.

— Кем ты был в Палермо?

— Садовником. Потом началась мобилизация.

Тётушка сказала лучше быть бандитом, чем трупом!

Последние слова Тони сказал голосом тётушки, для убедительности.

— Чудесно! — обрадовался Бено. — Раз ты мафиозо, то будешь жить у дона Пепе! А теперь позвольте сделать важное заявление!

— Здесь я решаю кто мафиозо, а кто нет! — отрезал Джузеппе.

Самого Бено приняли в семью потому что Паола хотела петь. Брак с директором филармонии увеличивал шансы. В обмен на руку, сердце и обязательства Бено получил красавицу жену со страшным характером, кредитную линию и доступ к кухарке.

— Молодец, Тони, хорошо сказал! — подытожил Джузеппе.

Юноша сел на место. Все выпили, потому что семья не должна ссориться.

— Вот теперь, говори!

— Дело в том, что... Оперы не будет, — буднично признался Бено.

Перед концом света, наверное, повиснет такая же пауза. Людям захочется остановиться и подумать, что они не так сделали, почему мир летит в тартарары. Паола велела повторить сказанное. Она не успела рассвирепеть с первого раза.

С лицом бесстрастным, будто каждый день перечёркивает год жизни и обнуляет семейный капитал, Бено повторил:

— Оперу запретили. Дорогая, хочешь кьянти?

Он сам наполнил свой бокал, выпил мгновенно, снова налил и снова выпил, как чистую воду.

Скандал — важная часть итальянского застолья. В нём есть ряд обязательных правил.

1. Жест важнее слова. Слова врут, жесты — никогда.
2. Обещания покалечить означают привязанность и уважение. Если кровь и прольётся, то немного.
3. Яркость аргумента важнее содержащегося в нём смысла. Например, «лучше бы я застрелилась, когда тебя повстречала» — бессмысленно, но ярко. Очень хороший аргумент.
4. Между признанием в любви и обещанием убить пауза не обязательна.
5. Грозить разводом можно бессчётное число раз, чем чаще, тем лучше.

Дон Пепе переспросил у Тони, тыча при этом пальцем в зятя.

— Что он сказал?

— Он сказал, что оперы не будет.

— Повтори! — снова потребовала Паола.

— Не волнуйся, — улыбнулся Бено, — мы поставим что-нибудь другое!

— Негодяй! — зашипела Паола. Её голос, горящий взгляд, формулировки — всё обещало интересный вечер.

Дон Пепе тоже захотел уточнить.

— Послушай, Бено. Я дал тебе десять тысяч.

Ты обещал отдать двадцать. Ты же знаешь правила нашей организации?

Дон Пепе сделал жест, означавший муки и долгожданную смерть.

— Я не виноват! Кто-то сказал коменданту, что Кармен цыганка.

— И что?
— Правительство запретило цыган.
— И ты согласился? — взвизгнула Паола.
— А что я мог сделать?
— Застрелить коменданта!
— Я не убийца! Я дирижёр!
— Тогда подкупить!
— Ты знаешь, сколько стоит подкуп коменданта?
— Я знаю только, что ты — нищий! Мне это надоело. Я от тебя ухожу!

Бено вскочил и какое-то время носился по гостиной, размахивал руками, шипел и булькал.

— Тебе деньги дороже любви! И кто ты после этого?

— Бедняжка! Золушка! Белоснежка и красавица! — отвечала Паола искренне.

— Я бы назвал тебя иначе!

Женщина повернулась к брату.

— Ты слышал? Он назвал меня проституткой! Меня, примадонну парижской оперы!

Дон Пепе с радостью вступил в беседу.

— Послушай, Бено! Я отдал тебе самое дорогое — сестру и деньги! И теперь ты называешь её проституткой?

— Могу называть «примадонной»! — съязвил Бено.

Паола ткнула в мужа острым пальцем.

— У него всё звучит как «проститутка»! Пепеньелло, ты мой брат и должен защищать меня от мужа. Застрели его немедленно!

Дон Пепе развёл руками.

— Сначала пусть вернёт долг!

— Или завтра у меня будет опера, или вы все горько пожалеете! — твёрдо сказала Паола. И добавила такое слово, что мужчины вздрогнули. Потом проследовала в свою спальню и грохнула дверью.

— Послушай, Джузеппе. Давай поставим другую оперу! Травиату!

— Травиата тоже проститутка!

— Согласен. Но в современной музыке профессия вторична, куда важнее национальность! Дай мне десять тысяч!

— Новый кредит? Сначала мне придётся переломать тебе руки.

— Зачем?

— Таковы правила организации.

— Ты будешь ломать родного зятя?

— Почему я? Тони ломает. Эй, малыш, ты хотел работу?

— Но я дирижёр! Я работаю руками! — Бено помахал для наглядности.

— Хорошо, тогда ноги.

— Ах, так? Я донесу на тебя коменданту!

— Доноси. Комендант мой друг!

— Это старый комендант твой друг! Новый тебя расстреляет! И вон из моего дома!

Джузеппе ухмыльнулся. Он подошёл и похлопал дирижёра по лысине.

— Теперь это мой дом! Здесь живут моя сестра и мой работник!

— Но здесь мои кровать и вещи!

— Верни долг и возвращайся в семью!

Дирижёр пыхтел и трясся, но сделать ничего не мог.

— Вот значит, как? Паола, мы уходим!

— Без оперы ты холостяк! — крикнула Паола из-за двери.

— Вы ещё пожалеете! Я вам покажу! — пригрозил Бено. Он забрал со стола бутылку и понёсся к дверям, опрокидывая по пути мебель.

После его ухода Джузеппе налил себе ещё борща и сказал, обращаясь к Тони:

— Типичный ужин в итальянской семье. Тихо, по-семейному. Не обращай внимания.

* * *

Штабные офицеры красивее фронтовых. Кители подогнаны, фуражки выгнуты. Снаружи они чисты, отглажены, всё в них блестит и поскрипывает, никаких признаков внутреннего скотства. Избыток одеколона можно объяснить высокой готовностью к химическим атакам.

Каждое утро работники штаба собираются у больших карт и побеждают противника силой мысли. Синие прямоугольники на карте хорошие, красные плохие. Синие движутся куда нарисовано, красные в ужасе отползают. Не война, а удовольствие. В свободное время адъютанты, секретари и начальники служб пишут стихи о любви к Родине. За красивую форму и общий романтизм их обожают женщины. Неудивительно, что штаб всегда голосует за продолжение войны.

Теперешняя бойня длится шестой год. Личный состав синих прямоугольников целиком состоит из

стариков и инвалидов. Они хорошо выглядят только на картах.

(Был, например, в Голландии отдельный батальон бойцов с болезнями уха. Командовал ими единственный в мире майор, владеющий языком глухонемых. А дивизию № 70 целиком сформировали из людей с проблемами пищеварения. Дивизия дралась с яростью, необычной для здоровых людей, но вполне нормальной для язвенников.)

Проходя мимо штаба, Бено Фарнезе удивился безлюдью. Никто не курил на ступенях, не тёр лаковый сапог, никто не отпускал шуточки вслед красавицам. Зато во всех окнах белели лица майоров и лейтенантов. Штаб замер в ожидании нового командующего. Прежний застрелился при посещении борделя. Синяки на шее и лице самоубийцы следствие объяснило специфическими сексуальными пристрастиями. Он был добрым дядькой, служилось при нём легко.

От нового коменданта добра не ждали. Штабные сбежались в большой зал, чтобы волноваться вместе.

— Едет! Едет! — крикнул лейтенант, страдающий дальновзоркостью. Он первым увидел чёрный лимузин, вползающий на площадь. Офицеры зашумели.

— Если я погибну, напишите моей маме, а жене не надо! Знаю я вас, ловеласов.

— Интересно, какой он, новый командующий?

— Обычный полковник тайной полиции. Клыки, когти, кожистые крылья.

— Говорят, плохих людей он расстреливает сразу. Хороших сначала пытается.

— Надо срочно сделать что-нибудь плохое.

Лимузин подкатил к подъезду. Из авто вышел немолодой полковник и приветливо посмотрел вверх. Офицеры отхлынули от окон.

Кто-то сказал:

— Похож на моего дедушку.

— Так пойди и обними его!

Новый начальник прошёл по коридорам, поднялся по лестнице. Штаб как штаб, охрана, знамёна, портреты вождя в хорошо освещённых местах.

У встречающих сдавали нервы. Начальник транспортной службы открыл пузырёк с сердечными таблетками. Руки дрожали, пузырёк выпал, таблетки раскатились. Сочувствующие бросились собирать. В таком-то согбенном виде и застал подчинённых новый комендант.

— Ну, примерно этого я и ожидал, — сказал он. — Стадо!

Офицеры вскочили, вскинули руки. Командующий отмахнулся.

— Моя фамилия Бирке. Говорят, мой предшественник застрелился?

Неясно было, кому задан вопрос. Вперёд шагнул подтянутый капитан. Чёрная повязка на глазу указывала, что он был храбрее прочих.

— Так точно. Застрелился!

— Известны причины?

— По версии следствия, полковник Мёллендорф испугался вашего прибытия.

— Ничего. Скоро вы убедитесь в моей доброте. Мне понравился ваш городок. Очень милый. И народа такой непуганый. Вот вы, бойкий, расскажите, как тут всё устроено.

Полковник Бирке указал на отважного капитана.

— Адъютант полковника Мёллендорфа капитан Клаус Шнитке!

— В вашем глазу мне видится что-то вроде разума. Проводите меня в мой кабинет.

Капитан кивнул и пошёл за новым комендантом. Лишь только закрылась дверь, начальник транспортной службы грохнулся в обморок.

* * *

Половину рабочего времени работники штаба тратят на блуждание по коридорам. Это прекрасная возможность для интимных бесед.

— Ну что, капитан, есть в комендатуре честные люди?

— Так точно, господин полковник!

Бирке остановился и посмотрел Клаусу в глаз.

— Вы врёте мне в лицо?

— Никак нет!

— Молодец. Даже не моргаете.